Китайские народные сказки

Сад нефритовой феи

Есть на свете гора — «Обитель бессмертных» зовется. Посреди горы сад, называют его садом Нефритовой феи. Ну, что тут скажешь, коли и не сад это вовсе, а так, склон пологий. Нету там дома, нет дворовой стены. Старые люди рассказывают, будто прежде на этой высокой горе, кроме камней, как говорится, одни камни были — ни деревца, ни кустика, а про Обитель бессмертных и говорить нечего. Поистине, бедная гора, тощий хребет. Плохо жили люди, что вокруг селились, хуже некуда. Ходили они на гору, рубили камни, продавали, тем и кормились. Ветер дует, солнце, печет, нот глаза заливает, во рту сухо да горько. Хоть бы два дерева на горе выросло! Пустые мечты. Разве вырастет что-нибудь на такой тощей земле? Но вот однажды на большом камне посреди горы персиковое дерево выросло. Дождем его хлещет, сердитый горный поток песок да камни вниз гонит, а деревце живехонько стоит, красными ветками да зелеными листьями убралось.
Жил о ту пору юноша. Каждый день ходил в горы камень рубить. Забрел он как-то в те места, там и остался. Никто не знал его прозванья. Ветер в горах сильный, солнце жаркое. потемнело у юноши лицо, залоснилось. И прозвали его люди Ван Черный — Ван Да-хэй. Лицо у Вана черное, а сердце доброе. Рослым да крепким уродился, руки золотые, а живет бобылем — ни жены, ни детей. Ему бы денег скопить, да где там! Последние штаны заложит, куртку продаст, только бы помочь человеку. Прославился он своей добротой на все деревни — и в южной стороне и в северной.
Идет Ван Черный в горы камень рубить, нет-нет да мимо персикового деревца пройдет. И вот однажды за ночь дерево из маленького в большое превратилось, розовыми цветами все усыпано, зелеными листочками укрыто. Идет Ван Черный утром мимо дерева, тихо вокруг, ветер не дует, ветви не колышет. Только росинки-жемчужины стучат по штанам да куртке — тук-тук-тук. Идет Ван Черный под вечер домой опять мимо дерева, солнце красное, Ван такого никогда и не видел, от цветов веет свежестью. Смотрит юноша: лепестки плавно-плавно летят прямо к нему. Подошел юноша к дереву, и — не знаю, по какой такой причине — почудилось ему, будто цветы улыбаются. Обрадовался юноша, куда только усталость подевалась. С той поры Ван Черный непременно отдыхал под деревом, когда возвращался.
Отправился как-то юноша в горы, идет мимо того дерева, смотрит: все дерево персиками усыпано, крупными, красными. Ветер вокруг дивный аромат разносит. Далеко ушел юноша, камень рубит, а в нос ему персиковый аромат бьет, дразнит. Время было как раз шестой месяц. Солнце жар разливает — яд ядовитый, камни — железо раскаленное, ноги жгут. А у Вана туфли дырявые, голову прикрыть нечем. Тростниковой шляпы и то нет. Скоро полдень. Все парни ушли тень искать, а Ван знай камень рубит, рукам отдыха не дает. Рубил, рубил, аж в голове помутилось, в глазах зарябило. Прислонился он к камню и не заметил, как уснул. Уж и не знаю, сколько времени он проспал, а как проснулся, такое блаженство почувствовал, словно в прохладной воде искупался. Открыл юноша глаза, смотрит — тень над ним. Не зонт его от солнца укрыл, ветви частые да листья густые. Персики румяные на ветках висят, не по одному — по два. Аромат дивный вокруг разливается. Листва колышется, прохладу навевает. Ван мигом вскочил, а сам думает: «Кто это ветку такую большую срубил да в землю воткнул?» Огляделся — парни все в сторонке спят. Ухватился Ван за ветку, хотел покачать, а это не ветка — настоящее дерево, корни прямо в скалу ушли, в расщелину глубокую. Вдруг росток появился, крупным персиком обернулся. Думает Ван: «Что за диво! Одно-единое дерево на горе росло, по самой середке, откуда же другое взялось?» Поглядел юноша на дерево, поглядел и соображать начал, чтобы это значить могло. Пошел он на горный склон. Быстро идет, ноги сами несут. Бежит, аж сердце колотится. Подбежал к тому дереву, что по самой середке росло. Ветки качаются, персики свежие, румяные. Под одной веткой девушка стоит, персики собирает.
Пуще прежнего подивился юноша. Что за девушка? Не из ближней деревни, не из дальней. Где только ни был юноша, а такой красавицы нигде не видел. Личико у нее — персиковый цвет

весенний, волосы — листочки зеленые. Улыбнулась девушка — на щеках две ямочки. Рукой махнула, смотрит Ван — с того места, где он камень рубил, что-то по воздуху плывет. Пригляделся, а это ветка, на ветке два румяных персика. Схватила девушка ветку, к стволу приложила — приросла ветка, будто всегда здесь была. Не успел Ван опомниться, а девушка сорвала два крупных персика, в него бросила. Ван, будто и не хотел, а сам руку протянул, персики прямехонько на ладонь и опустились. Девушка смеется, заливается. Застыдился юноша, не знает, куда деваться. А девушка вдруг перестала смеяться, рукой махнула — ешь, мол, поскорее персики. Откусил Ван кусочек, персик сладкий — вода медовая. Взял и съел его целиком — прохладно стало юноше, будто он в реке искупался. Съел юноша один персик, съел другой. А девушка опять за ветку ухватилась, потрясла. Поплыли перед юношей лепестки, посыпались. Вдруг смотрит юноша — не стоит он больше под персиковым деревом, стоит в доме, вокруг все блестит, бирюзой сверкает, на потолке большой пребольшой румяный персик нарисован.

Рассмеялась девушка и говорит:

— Звать меня Юй-сянь. Я Нефритовая фея, знаю я: на сто ли вокруг не сыщешь человека лучше тебя. Живешь ты один, трудно тебе. Пойдешь в горы камень рубить, мимо этого места иди, не сворачивай, коли что понадобится, меня разыщи.

Сказала так девушка, еще румяней стала, еще ясней глаза глядят — цветы персика под росой распускаются, лепестки на закате блестят.

Поглядел Ван Черный на ее светлое личико, послушал ее речи ласковые, уж так у него хорошо на душе, так отрадно, а как сказать про то девушке, не знает.

Опомниться не успел — исчезла девушка. Смотрит Ван — сейчас парни к нему подойдут. Близко они были, а ничего не приметили. Видно им только, как Ван под персиковым деревом стоит, на дереве плоды красные, листья зеленые.

Воротился Ван домой, а перед глазами у него Нефритовая фея. Спать лег, до полуночи так и не уснул. Может, это фея его персиками своими заворожила. Пошел он на другой день в горы. Быстро идет, быстрее прежнего. Только светать стало, а он уже у персикового дерева стоит. Моргнуть не успел, перед ним откуда ни возьмись Нефритовая фея, дом зеленый бирюзой сверкает. Смеется дева, на юношу лукаво поглядывает. Покраснел юноша и говорит:

— Хочу я, чтоб ты мне куртку залатала, за тем и пришел.

Обрадовалась Нефритовая фея, согласилась. Чует — не из-за куртки пришел юноша ее искать. Говорит юноше фея:

— Знаю я, нынче ночью ты уснуть не мог. Иди в дом, там кан есть, поспи немного.

Недаром говорят: встретились чужие, стали как родные. Видит юноша — добра да ласкова с ним девушка, еще родней она ему сделалась. Послушался он ее, в дом вошел, будто в свой собственный, лег на кан и уснул. Взошло солнце, пришли парни к персиковому дереву, смотрят — Ван Черный крепко спит, рядом его куртка чиненая лежит.

С той поры Ван чуть не каждый день ходил к персиковому дереву на Нефритовую фею поглядеть. Дни длинные, дни долгие, чуют парни неладное и спрашивают как-то раз:

— Эй, Ван, ты зачем к персиковому дереву ходишь? Персиков-то на нем ни одного нет!

Никогда не врал Ван товарищам, всю правду им и выложил. Подивились тут парни, за Вана порадовались.

А надобно вам сказать, был в двадцати ли от того места уездный город, начальником там один чиновник, столичному сановнику родня. Наелся он как-то, напился, делать ему нечего, сидит и думает: «Все у меня есть, и власть и богатство, чего бы мне еще захотеть?»

Думал, думал и придумал:

«Надо мне еще сад разбить, чтоб горы в нем были искусственные, озера большие, павильоны,

беседки, галереи, терема понастроены, тогда и желать больше нечего!»
Рассмеялся чиновник от радости: «Стоит мне слово сказать, все будет сделано».
Прежде и вправду так было; скажет чиновник слово — бедный люд кровь и пот льет. Стали парней гнать повинность отбывать, и Вана Черного тоже. С самого рассвета дотемна грузит он на тачку огромные камни, с горы в город их катит. Одежда на нем в клочья изорвалась, туфли до дыр протерлись. Докатил он как-то свой камень до середины горы, а туфля возьми да и разорвись совсем, никак на ноге не держится. Вот юноша и говорит парням:
— Вы меня здесь подождите, а я к Нефритовой фее сбегаю, попрошу туфлю зашить.
Согласились парни, смотрят: Ван к персиковому дереву пошел. Только он отошел, стражник на них налетел, не стал ни о чем спрашивать, давай всех без разбору лупить. Тут Ван Черный подоспел. Замахнулся на него стражник, а его вдруг кто-то возьми да и схвати за руку. Стал тут стражник самого себя по лицу хлестать: би-би, пай-пай! Больно ему, обе щеки уже вспухли, а он знай хлещет, руку остановить не может.
А парни — кто так на него глядит, кто со смеху покатывается, умора, да и только! Встал стражник на колени, хлещет себя по лицу, а сам о пощаде молит:
— Прости меня! Прости меня! Прости меня! Никогда больше никого бить не буду! Сказал он так три раза, вдруг слышит — женский голос ему говорит:
— На этот раз прощаю.
Тут только рука у стражника остановилась.
А сам он исчез — струйка дыма под ветром, — в уезд кинулся. Все подробно доложил чиновнику, как говорится, от одного до пяти, от пяти до десяти. Подивился чиновник, велел оборотня немедля схватить и доставить. Не успел Ван камни с тачки свалить, как его связали и в ямынь привезли. Дали сорок палок, в тюрьму бросили.
Узнали про то парни, растревожились, рассердились, а потом тужить стали. Потолковали про меж себя, посоветовались и решили Нефритовую фею найти. Стали они в горы подниматься за камнями и к персиковому дереву поспешили. Подошли к дереву — не знают что делать. Веткам да листьям про беду не расскажешь. Слышали они от Вана про Нефритовую фею, да не видел ее никто. Тут один из парней закричал громким голосом:
— Выйди к нам, Нефритовая фея! Дело есть! Поговорить с тобой хотим!
Только он это крикнул, как тотчас же раздался голос:
— Погодите, сейчас дверь отопру!
Зашевелились листочки на персиковом дереве, задвигались, в тот же миг увидели парни: дом чистый бирюзой сверкает, а сами они в том доме стоят. Только не стали они дом разглядывать, девушка их своей красотой покорила. Рядом с девушкой туфли лежат недошитые. Тут и думать нечего, сама Нефритовая фея им явилась.
Рассказали они ей все, как есть, по порядку.
Растревожилась фея и говорит:
— Не бойтесь, я его выручу.
Сказала она так, блеснула молнией и исчезла.
О ту пору уездный начальник как раз в большом зале сидел, властью своей тешился, приказы отдавал. Вдруг слышит голос с неба:
— Эй ты, продажный чиновник! За что в тюрьму бросил Вана Черного? Это я твоего стражника по лицу хлестала! Что ты со мной сделаешь!
Поднял начальник голову — никого нет. Глаза вытаращил. Помощники его от страха онемели — слова вымолвить не могут.
А тут опять голос с неба:

— Эй вы, волчья стая! Выпустите Вана из тюрьмы, да поживей!
Разобрал тут наконец чиновник, что это женский голос, набрался храбрости и отвечает:
— Эй, кто это кричит там, в небесах?
Рассмеялась фея зло и отвечает:
— Думаешь, побоюсь сказать тебе, кто я? Я Нефритовая фея.
Говорит чиновник:
— Один в уезде господин, один отец родной. Захочу — горой серебро насыпется, захочу — храмы друг подле дружки выстроятся. Ну-ка покажись, чтоб я на тебя поглядеть мог!
А фея знай потешается над начальником:
— Хэ! Не вижу я никакого чиновника.
— Я самый и есть.
— А мне почудилось — это куча навозная. Неохота мне с тобой разговаривать! Место свое ты не заслужил, за несколько тысяч серебряных слитков купил. Серебро хуже навоза воняет. Недостоин ты меня видеть.
Уж, кажется, про все ему фея сказала, все ему припомнила, так нет же, ему и это нипочем. Бывают же такие люди толстокожие на свете. И говорит он фее:
— Меня сам император в седьмой ранг произвел, а Ван Черный простой каменотес...
Разгневалась фея, не дала чиновнику договорить, ругает его, поносит, ни в чем-де ему с Ваном не сравниться — у Вана сердце доброе, человечье, у чиновника — злое, волчье. Ругает его фея, да так распалилась, что толстокожего чиновника проняла. Не выдержал чиновник, покраснел, шея кровью налилась. А сделать ничего не может. Фея — она бесплотная, власти его не подвластна.
Усмехнулась фея зло и говорит:
— Ты на меня поглядеть хотел, так погляди лучше на мою силу волшебную!
Сказала так фея, и тотчас в дверь веточка персиковая влетела. В самой середине зала опустилась. На кирпичный пол корни пустила, вмиг в высокое дерево превратилась. Ствол толстый — ни рассказать, ни описать невозможно. Уперлось дерево макушкой в крышу — зашаталась, заходила крыша. Видят стражники да посыльные — плохо дело. Кто кричит, кто о помощи просит, кто прячется, кто хоронится. Сам начальник пуще всех испугался, не до важности ему сейчас, выскочил из зала — мышь трусливая. А караульные все врассыпную. Упал один из них на землю — встать нет мочи. Стал молить жалобно:
— Отпусти меня, фея!
И слышит в ответ:
— Отпустить я тебя отпущу, только ворота тюремные отопри поскорее!
Караульный и думать не стал, согласился.
Слышит Ван крики да шум снаружи, а что приключилось, понять не может. Распахнулись тут ворота тюремные. Обрадовались узники, толпой на волю ринулись, вместе с ними Ван Черный за городскую стену выбежал, домой воротился. На другое утро только собрался он в горы, во двор вышел, смотрит: Нефритовая фея вбегает. Запыхалась, волосы нечесаны, платье мокрое, на бровях росинки-жемчужинки. Подивился Ван Черный, не успел рта раскрыть, а фея ему и говорит:
— Не будет тебе житья от уездного начальника! Бежала я всю ночь, десять тысяч верст одолела, раздобыла для тебя долото волшебное. Возьми его...
Не успела девушка договорить, за воротами крики послышались. Это уездный начальник солдат пеших и конных прислал Вана схватить. Взяла фея юношу за руку и говорит:
— Бежим скорей!
Выбрались они за околицу, а солдаты за ними кинулись, догонять стали. Вот уже и вершина горы близко — солдаты не отстают, того и гляди, настигнут беглецов. Остановилась тут фея, указала

пальцем на высокий утес каменный и говорит:
— Ван Черный, Ван Черный, возьми-ка молот да рубани разок вот здесь!
Послушался Ван фею, взмахнул железным молотом, по долоту ударил, удара не слыхать, только загрохотало, загудело вокруг, смотрит Ван: в каменной скале отверстие круглое величиной с ворота. Прыгнул Ван в то отверстие. Заглянули в него солдаты — Вана Черного и след простыл. Воины, что похрабрее, внутрь вошли, искать его пошли. Шли, шли, уж и не знаю, на какую глубину зашли, вдруг слышат — вода журчит. Река путь им преградила, широкая да глубокая — дна не разглядеть. Вода в ней быстрая, на лодке поплывешь — лодку в щепы разнесет. А на другом берегу сверкает что-то, аж глазам больно. Постояли воины, поглядели, делать нечего, повернулись, назад пошли.
С той поры никто больше не видал Вана Черного. Слух прошел, будто он бессмертным сделался. И стали называть пещеру в той каменной стене и саму гору Обителью бессмертных. Из пещеры частенько туман белый выплывает, всю гору укрывает. Если прислушаться хорошенько, слышно, как по горам разносится: дин-дин, дан-дан, дин-дин, дан-дан, вроде бы кто-то камень бьет. Говорят, будто Ван Черный и в пещере не сидит без дела. Оно и правда. Камень, который на той горе добывают, гладкий, блестящий, словно шлифованный. Куда исчезла Нефритовая фея, никто не знает. Только гора та вся поросла персиковыми деревьями. С той поры самую середку горы, где росло большое персиковое дерево, стали называть садом Нефритовой феи. Как пойдешь от сада Нефритовой феи к пещере, деревья все гуще, все пышнее становятся. Это чтобы Вана Черного солнце не пекло, когда он к фее наведывается. Бывает, что туман подолгу над верхушками деревьев плавает, — это значит, Ван Черный с Нефритовой феей повстречались.